

Нропо буцелел

ПЕРЕЦВЕТ

Стихи

46050 - 0
46050 - 0

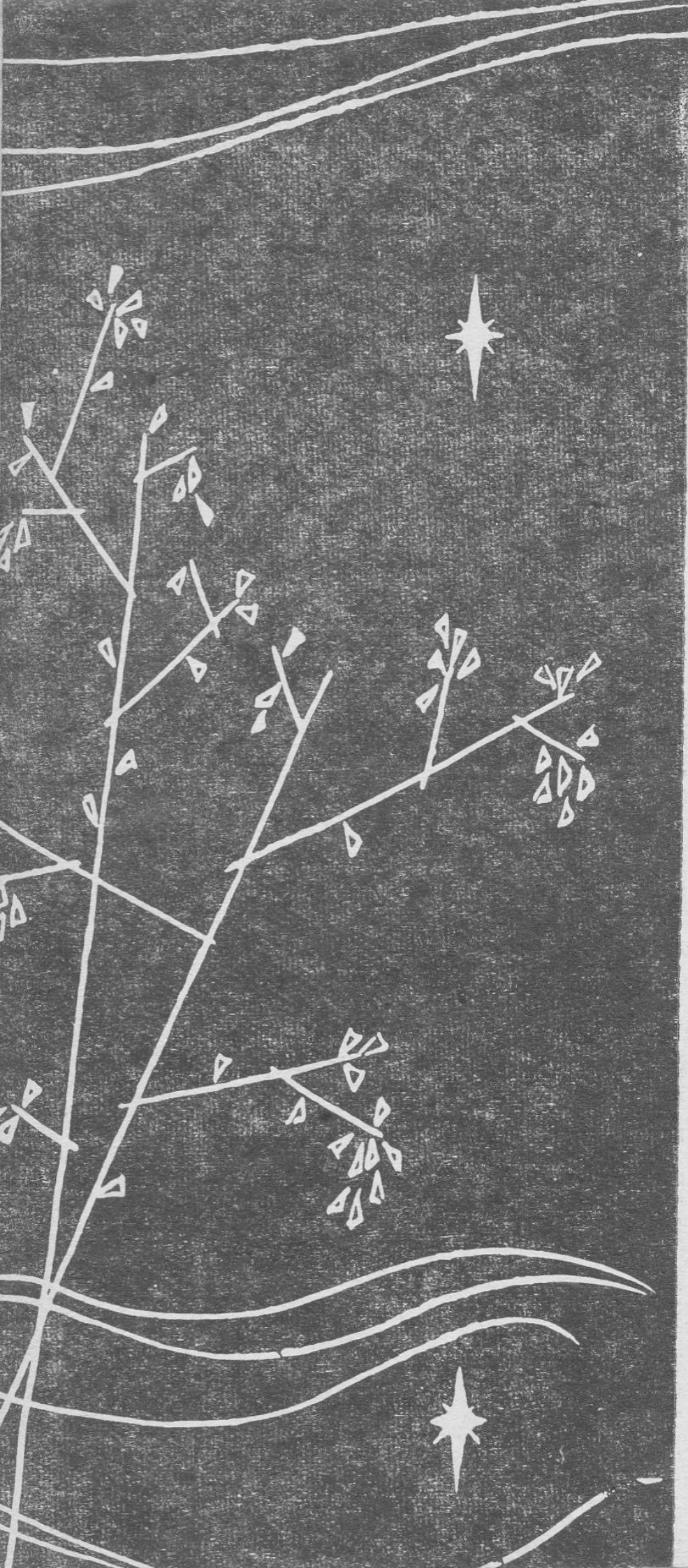
ПЕРЕКРЕСТЬЕ

Морь Иселёв

Кемеровское книжное
издательство 1966

СТРАЖИЛА ВЕСЕ ПОТУ
С ПУШКИНА
ДВОРЦА КУЛЬ УРЫ
Изд. №
Д. Кузнецкий, Кемерово обл.

Предлагаемый тебе, читатель, сборник лирических стихов Игоря Киселева — первая поэтическая книга автора. Ему 33 года, он закончил филологическое отделение Новосибирского пединститута, работал в областной молодежной газете «Комсомолец Кузбасса», на студии телевидения. Сейчас — редактор издательства. Стихи начал писать в юности. Публиковался в областных газетах Кемерово и Новосибирска, в альманахе «Огни Кузбасса», журнале «Сибирские огни», еженедельнике «Литературная Россия», в коллективных сборниках.

* * *

А вы?
Вы любите дорогу?
Не в душном поезде, не ту!
Не по шипящему гудрону
И не в молниеносном ТУ!
Такую —
Чтобы пахло мятой,
Дышали сыростью луга,
И в колее
От пыли мягкой
Тонула пыльная нога.
Гудят стволы, в зенит уставясь.
Спадает к вечеру жара.
И вот желанная усталость
Вас раскидала у костра.
И в дымке,
Реденькой и синей,
Над сонной свежестью ночной
Мерцает медленно и сильно
Звезда с кулак величиной!
Чуть слышно ветер пахнет медом,
Трава по пояс на пути.
А надо только встать с восходом,
Рюкзак и спички припасти...

ТУЛИНКА

Как тоненькая талинка —
На карте поди найди, —
Петляет моя Тулинка,
Закутанная в дожди.

Есть реки без дна и края,
Сердитая в них вода.
Швыряют они, играя,
Двухпалубные суда.

Красавицы.
Исполинки.
Б них смотрятся города.
А в тихой моей Тулинке
На доньшке спит звезда.

В августовском тумане
Медленная волна
Холодом и сияньем
Высветлена до дна.

Голубая речка Тула!
Расскажи про свои дела!
Поворчи в камышах немного.
Я сегодня пришел к тебе,

Чтобы с берега, как с порога,
Вновь к бездомной шагнуть судьбе.

Счастья легкого не желая,
Я хочу, чтобы в путь всегда
Провожала меня живая,
Ключевая твоя вода!

ДОМ НА РАЗЪЕЗДЕ

Я жил на далеком разъезде лесном,
Стоящем над Бердью, студеной и сонной.
Деревья шумели под самым окном,
И все мне казалось, что старый наш дом
Фрегатом в закат уплывает бездонный.
Казалось, что дом этот был здесь в гостях,
Но якорь уж поднят, дорога открыта,
И ветер над крышей поет, как в снастях,
Негромко скрипит деревянный костяк,
Да хлопают старые ставни сердито.
Девчонка-березка пришла на причал,
С тревогой смотрела, какплыли в зарю мы,
— Вернитесь! — кричала.
Но ветер крепчал,
Он к новым опасностям мчал нас и мчал,
И тоненький скрип доносился из трюма.
Высокой водою стояла трава,
И звезды не переставали кружиться,
А мимо зеленые шли острова,
В которых смеялись и плакали птицы.
Потом все стихало. Кончалась заря.
Поняв, что вечерняя песенка спета,
Корабль возвращался, трубою куря,
На том же пригорке бросал якоря
И тихо дремал, ожидая рассвета...

В ЛЕСУ

Как дышится в лесу!
Как горлом льдинки льются!
Как будто пьешь росу
Из блестящего блюда.

Слеза или хрусталь,
Следы насквозь промокли,
И даль в слезах,
И даль
Сквозь слезы — как в бинокле.

Как слышится в лесу!
Заполнив чашу с верхом,
Мчит эхо на весу
По веткам, как по вехам.

Далекий скрип сосны
Доносится с опушки,
И жалобы кукушки
Прозрачны и ясны.

Как пишется в лесу!
Лес, приглушив гуденье,
С листа прогнав осу,
Дарует вдохновенье.

А луч позолотил —
И в просеках мелькнули
Обрывки паутин
Из хроники июля.

Как верится в лесу
В загаданное счастье!
Уйти в седьмом часу,
Оглядываясь часто.

Жаль: тени по лицу —
Некрепкая завеса...
Как хочется в лесу
Не уходить из леса!

ЧЕТЫРЕ ДОЖДЯ

Блеснут облака, на закат уходя.
Ударятся в землю четыре дождя.
Один из дождей,
Не без шика
Повиснув над синей водой,
Качнется упругой кувшинкой
И звездам подставит ладонь.

Зеленые вспыхнут мониста —
Десятки зеленых монист...
Второму дождю не лениться,
Пред зеленью падая ниц.

Кормить ему стадо коровье,
Где луг тишиною порос,
Стекать ему смуглой корою
Наполненных светом берез.

А третий, навзрыд и навывлет
Свергаясь вблизи и вдали,
Себя и в неделю не выльет
В звенящий подойник земли.

Когда по низинам болотца
Залижут людскую тропу,

Он яблоком гулким нальется
И ночью сорвется в траву.

Последует осень
С досмотром:
Богат ли и крепок наш дом.
А как же с четвертым,
Четвертым,
Что станет с последним дождем?

Он в сумерках на землю рухнет,
Когда ни души на дворе,
Кончая веселые угли
В моем запоздалом костре...

АПРЕЛЬ

Месяц апрель — как дымок папиросный,
Как от далекого друга привет.
Снова мне снится дороги колесной
В дальнюю даль убегающий след.

Хрупкими льдинками падая наземь,
В кружеве солнечной голубизны,
Он еще смутен, неясен, бессвязен,
Он — карандашный набросок весны.

Месяц апрель — это шелест и шорох,
Лужи и льдинки — вода и стекло,
Солнечный луч, заблудившийся в шторах...
Песня, которую в ночь унесло...

ГРОЗА

В поле сумрачном сначала
Свежий ветер скомкал рожь.
Туча глухо проворчала,
Что сейчас начнется дождь.

На минуту стало тише.
Только там, где сельсовет,
Гулко хлопал флаг над крышей,
Излучая красный свет.

Вдруг, как будто негодую,
Споря с летнею листвою,
По стеклу косые струи
Застучали вперевой!

Молний желтыми штыками
Ощетинилась гроза —
И наполнились слезами
Окон синие глаза.

Каждый стебель,
Каждый лист
Влагой свежей
Налились.

А когда на туче сивой
Унеслась гроза на юг,
С удивительною силой
Рассиялось солнце вдруг.

И, заткнув за пояс книжки,
Разбегаясь по домам,
Ловко прыгали мальчишки
Босиком по облакам!

УТРО

Пчела

Мой сон оборвала.

Влетела — форточка открыта —

И загудела у стекла

Недоуменно и сердито.

Я встал.

Не даст ведь все равно

Уснуть, подумал я со злостью,

И, настезь распахнув окно,

Прогнал непрошенную гостью.

А было пять часов утра,

Пора

Разминки петушиной.

Блистало облако-гора

Могучей снежной вершиной.

И ветка,

Как ни сторонись я,

Поглядывая на часы,

Ко мне протягивала листья —

Ладони, полные росы.

Как будто это

В ливне света,

С востока бьющего стеной,

В окно тянулась вся планета,

Чтоб поздороваться со мной!

И я уже в росе шагаю,
И помыслы мои чисты.
Шагаю — будто бы сжигаю
За прошлой ночью все мосты.
Дышу туманом,
Тишиною,
Знобящим птичьим холодком
И наклоняюсь над пчелою,
Как будто бью пчеле челом.
Она гудит себе, летая,
Веселым солнцем залита,
А я кричу ей:
— Золотая!
Ко мне почаще залетай!

— 46050 —
— 05094 —

ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
ИМЕНИ С. ПУШКИНА
ДВОРЦА КУЛЬТУРЫ
Кузнецкий, Ке...

* * *

К вершинам утро прикасалось,
И тени таяли, тихи.
А мне казалось, мне казалось,
Что рядом шепчутся стихи.

Что здесь они, не дальше шагу,
И, волю дав карандашу,
Я нанижу их на бумагу,
Исчезнуть им не разрешу.

Перо победно нависало,
Перо кричало мне: — Пора!
Но ускользала, ускользала
Добыча с кончика пера!

Решил за книгой выждать сроки.
Мол, подождут — и будет прок.
Но ненаписанные строки
Стояли между книжных строк.

Знакомым вглядываясь в лица,
Вникая в их жите-бытье,
Гадал я:
Где оно таится,
Стихотворение мое?

Лес оглушил меня цветами,
У елей зной стекал с ресниц.
Но за деревьями витали
Не птицы — рифмы вместо птиц.

И вновь я гнался за стихами,
Вот-вот схвачу их!
Но они
Водой меж пальцев протекали
Сиянью звездному сродни.

Меня отчаянье томило.
В круженье встреч, и трав, и слов
День проходил, как поезд, мимо,
Непроницаемо суров.

А ночью, словно заверенье,
Что только я всему виной,
Приснилось мне стихотворенье,
Так и не найденное мной...

«ПОВОРОТЫ СВЕТА»

К. Ваншенкину

В горчинке, в легкой их кислинке —
Костров далеких дым.
И солнца гаснувшие слитки
Раскиданы по ним.

В них медлит северное лето,
И нет его нежней
В лукавых поворотах света,
В скольжении теней.

Дыханье дальних захолустий,
Где щебет у стрехи,
Приносит легкий привкус грусти
В закаты и в стихи.

Листаю книгу — будто снова
Мне восемнадцать лет,
И я средь сумрака лесного
Отыскиваю след.

Здесь, на кордоне под рябиной,
Желанен гость всегда.

Достанут браги жбан старинный
Из погреба, со льда.

Закат в саду по желтым ульям
Скользит, глубокий и ал.
И полон скошенным июлем
До крыши сеновал.

Здесь на ноги меня с рассветом
Поднимут петухи.
Светло и горько пахнут летом
Негромкие стихи.

ОСЕНЬ

Поведи кругом глазами —
Солнце, синь и тишина.
Золотыми огоньками
Тишина подожжена.
Кружатся вперегонки
Желтых листьев огоньки.
Поздним солнышком согрета,
Даль сквозит голубизной.
За семью замками где-то
Заперт ветер озорной.
Держит осень на запоре
Супостата своего,
Потому что просто горе,
Если выпустить его.
Вмиг поднимет суматоху,
Вихрем листья закружит,
Вмиг растащит все, что плохо
В кладовых ее лежит.
А потом в глубоких впадинах
Спрячет мелочь листьев краденых.
Пусть он сам сидит во впадине,
Так ему и надо, жадине!

ПЕРЕЦВЕТ

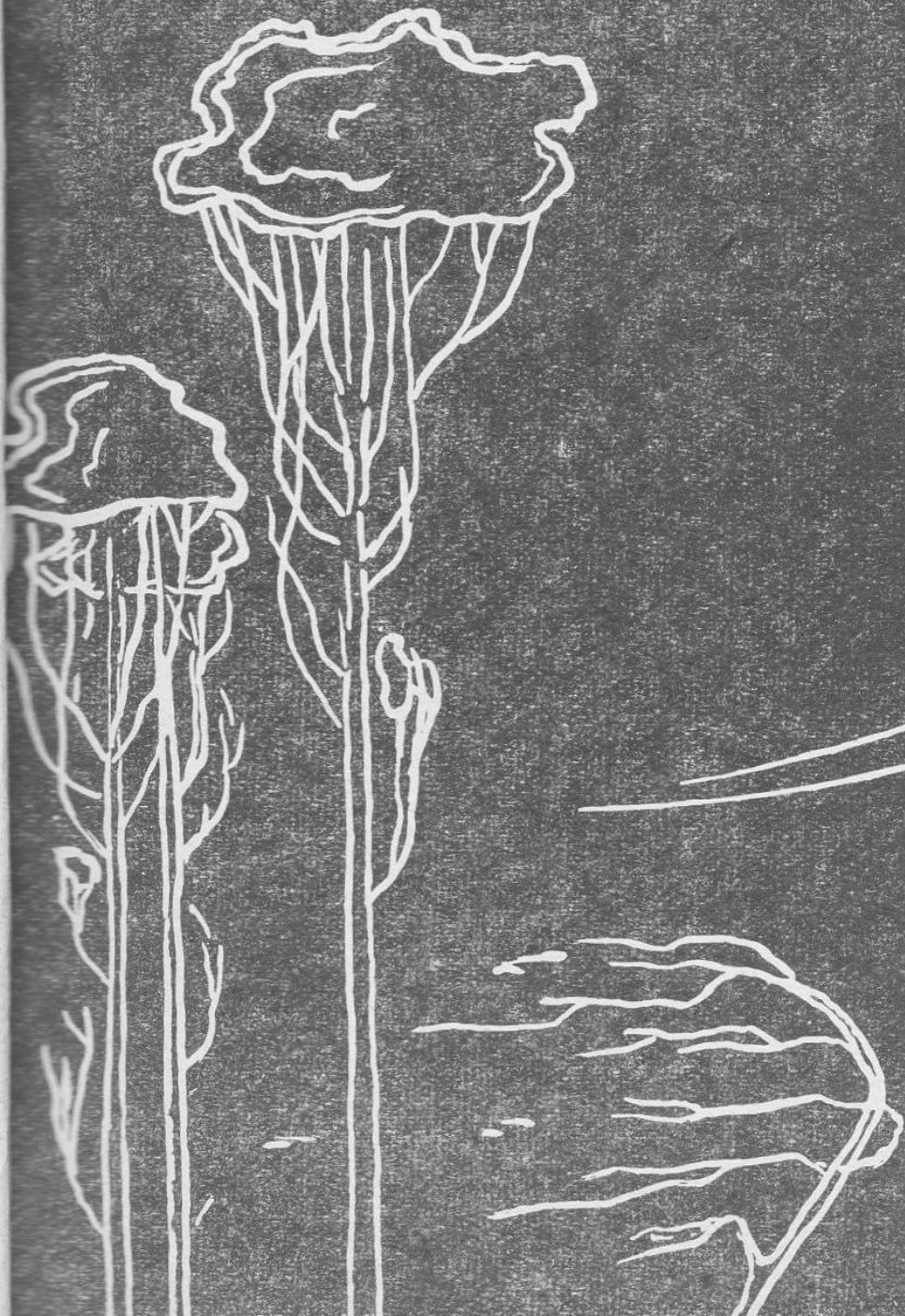
Тогда была такая осень —
Вся золотая иссиня!
Казалось, осень эту вовсе
Сменять не думает зима.

Октябрь, ко лбу приставив руку, —
Уж больно ясный свет лился, —
Насквозь просматривал округу
Через прозрачные леса.

Он будто звал:
— Пойди, утешь их,
Они печальны и чисты...
Но вот на ветках облетевших
Внезапно вспыхнули цветы!

И караваном лебединым,
Спускаясь к берегу реки,
Окутанные легким дымом
Брели черемух косяки.

Светясь и плача от пожара,
Ненужной нежностью пыля,
Сирень пугалась и дрожала,
Не слыша пения шмеля.

* * *

Когда горит и светится страница,
Когда, во власти непонятных чувств,
Я от стола не в силах отстраниться —
Вы слышите? —
Я в двери к вам стучусь!
Я шел впотьмах, отыскивая тропку.
Стыл на ветру, холодном и крутом.
Застенчиво, настойчиво и робко
Стучусь я в первый незнакомый дом.
Прислушайтесь: не ветер хлопнул ставней,
Не гром столкнул над крышей облака,
То встречи ждет, обещанной и давней,
Моя без вас ненужная строка.
Что там за дверью? Праздник или будни?
Я шел во тьме, мечтая лишь о том,
Что моя песня лишнею не будет
Ни в горе, ни за праздничным столом.
А песня ждет...
А тишина все глуше...
Ночь за окном поглубела чуть.
Пустите, люди!
Отворите души!
Вы слышите? —
Я в души к вам стучусь!

* * *

Не знаю, отчего,
На вид обыкновенны,
У дома моего
Просвечивают стены!

Я долго строил дом,
Чтоб, не сломав традиций,
Тем домом, как щитом,
От всех отгородиться.

Как панцирь, как броню,
Перед ветрами всеми,
В которой сохраню
Себя от потрясений.

Пророчу или лгу,
Смеюсь, буяню, плачу —
Я нежность и тоску
От глаз чужих упрячу!

Там судит мой закон
Неправого и злого.
Там не замкнут замком
Трепещущего слова!

И вот я у стола,
Один во всей вселенной.
Но словно из стекла
Просвечивают стены!

И мир, прорезав тьму,
Ликуя и стеная,
Гремит в моем дому
За четырьмя стенами!

Тревогу затая,
Быль с выдумкой мешая,
Не знаю, где моя
Беда, а где — чужая.

Быть может, оттого,
Светлы и откровенны,
Просвечивают стены
У дома моего...

УДИВЛЕНИЕ

По утрам глаза открываю,
Отрезая дорогу сну, —
Будто двери я открываю
В неизведанную страну.
И плывет сквозь мои метанья,
Сквозь нелегких раздумий власть
Человек — этот сгусток тайны, —
Весь пульсируя и светясь.
Он продукты несет в авоське
На виду у вселенной всей.
Он, должно быть, не знает вовсе
О таинственности своей.
Но, мерцая от удаленья,
Голубою стоят стеной
Сорок тысяч лет удивленья —
Паруса за его спиной.
...Удивляюсь цветку, явлению,
Речки синему хрусталу.
Даже этому удивленью
Удивляться не устаю.
Знаю я, что оно — богатство,
И жалею душою всей
Не умеющих удивляться
Удивительнейших людей...

ВТОРОЕ ДЫХАНИЕ

Мы на полянке загорали,
В реке торчали дотемна.
А за лесами, за горами
Давно большая шла война.

Отряд заморышей несильных,
От голода волны синей,
Ловили мы таких же синих,
Почти бесплотных пескарей.

Но мы поблажек не просили.
И вот однажды от реки
К далекой — чуть видна! — осине
Бежим мы наперегонки!

И командир наш рыжий, Саня,
Кричит:
— Дыханье береги!
А как сберечь его, дыханье,
Когда в глазах плывут круги?

И сердце — молотом о ребра,
И голову ломает звон,

Но тут придет ко мне дыханье,
Как друга верная рука.

Хочу — пусть это безрассудно, —
Когда тропой иду крутой,
Чтоб кто-то яростно и трудно,
Теряя силы, шел за мной.

И чтоб к нему лихой порою,
Заполняя бытие,
Пришло дыхание второе,
Наполовину и мое!

СКАЗКА

Осенью в синем вечернем пруду
Мальчик ловил золотую звезду.

Возле него на пологий откос
Падали желтые листья с берез.

Тихо качался на глади воды
Свет от единственной ранней звезды.

Мальчик упрямый, устав от погони,
Долго ловил его мокрой ладонью.

Но от ладони — такая беда! —
В тысячи брызг разлеталась звезда!

Улетали и таяли годы.
Мальчик рос, понемногу взрослел.
Петь любил он в любую погоду,
Только грустные песни он пел.

И повсюду, скитаясь бессонно,
Он искал золотые следы

Той — ты помнишь? — в пруду отраженной,
Разлетевшейся в брызги звезды.

Он искал ее в чащах таежных,
На страницах зачитанных книг.
Он к звучанию ветров дорожных,
К холодам и тревогам привык.

Если не было места надежде
И отчаянье в сердце росло —
Зажигалось пред ним, как и прежде,
Той звезды золотое стекло.

Не отвезь той кручины рукою,
Не найди ему в мире покоя,
Потому что, простим непоседу,
Он пошел по неверному следу.

Ведь вело его воображенье
Лишь в мечтах по чудесной стране.
Нет у сказки конца. Продолженье
Я однажды увидел во сне.

Странной жизни своей в завершенье
Он постиг, от раздумий седой,
Что ему не догнать отраженья.
И отправился вверх за звездой.

И когда он разбился о скалы,
Что как сталь холодны и тверды,
Люди в сердце его отыскали
Раскаленный осколок звезды...

СТИХИ О НАТАШЕ РОСТОВОЙ

Ах, Наташа Ростова,

Наташа Ростова!

До чего ты мне нравилась,
Честное слово!

Я влюбленным в тебя приходил на уроки,
Я бродил, как Болконский,

печальный и строгий

И друзья меня спрашивали некрасиво:

— Что за муха, приятель, тебя укусила?

Я надменно молчал.

Ведь они не видали,

Как под вечер,

у кленов одних на виду,

Задыхаясь, бежала ко мне на свиданье

Длинноногая девочка в школьном саду!

Как цвели ее темные в сумерках ленты,

Как она говорила, картавя слегка:

— Вот покрепче себя обхвачу под коленки —

И — держи! — улечу от тебя в облака!

Не шутя говорила она.

Не нарочно,

Потому что была она, как лепесток,

И, пугаясь, придерживал я осторожно

Невесомый, точеный ее локоток.

Улетела Наташа.

Куда же?

Туда же,

Куда все, повзрослев, улетают Наташи,
Оставляя на память нам школьные ленты,
Поселяя в нас память о солнечном лете,
Подарив нам печаль, от которой не спится
И которой в стихи суждено превратиться.
Все стареет.

И рожи, и вальсы, и шутки.

Напиши мне, пожалуйста, не утай,

Где теперь опадают твои парашюты,

Где теперь облетают ромашки твои.

Здесь по-прежнему сумерки бредят цветами,

И под теми же кленами,

не на виду,

Задыхаясь,

к кому-то бежит на свиданье

Длинноногая девочка

в школьном саду.

Повернуться боясь, —
Не открыть бы обмана.

Встав чуть свет,
Надевают рубашки отглаженные
И выходят на улицы,
Маем встревоженные,

И идут среди нас,
Неожиданно очень важные,
Непривычно подтянутые,
На себя не похожие.

Флаги реют.
От них —
В красных сполохах здания.
Духовые оркестры
Диктуют колоннам шаги.
И под праздничный гром
Вспоминают маевки давние
Незаметные в общем строю старики.

Им уже не угнаться за маршевым шагом,
Нас они догоняют, смешно семеня,
Но такое упорство есть в шаге их шатком,
Что волнение охватывает меня!

Им, наверное, кажется:
Молодо-зелено!
И они потихоньку ворчат,
Ковыляя в тени.
Им, наверное, нравится
солнечное поколение,
Для которого Май добывали в сраженьях они!

А вернувшись домой,
Отдыхают они —
Утомились.
Пьют подолгу чай,
На коленях качают внучат,
И ложатся в постель —
Что-то сердце опять расшалилось, —
И молчат...

Свисают бомб чудовищные груши
С прорезавшего облако крыла.

А я кричу.
В беспамятстве спешу.
Но глух мой голос,
И беспечны парки,
И спят в казармах стриженные парни,
Которых я уже не разбужу...

Вот часовой.
Упал он вниз лицом.
Как будто землю обнял, умирая.
И понимаю я, что это сон.
И пот холодный я со лба стираю.

* * *

Кривотолки, кривотолки —
Будто под ноги иголки.
Плохо скрытые смешки,
Как пощечины, тяжки.

Жил в дому — гордился домом.
Был женат — любил жену.
И казался дом весомым,
Слаженным — звено к звену.

В окнах звезды кружат низко,
Жуть берет от тишины.
На столе лежит записка
Вместо сына и жены.

Полетели к черту звенья,
И в глазах его резка,
Как у загнанного зверя,
Первобытная тоска.

Из-под ног уходят рельсы,
А для зрителей извне
Интересно, интересно,
Как он корчится в огне.

Так уж водится от века:
Не считаем за беду
Бросить камень в человека,
Улыбаясь на ходу.

А ему, как нож, улыбка.
Он в отчаянье своем
Беззащитен, как улитка,
У которой сломан дом.

...Все продумала до точки,
Одного недоучла:
Кривотолки, кривотолки
На смерть бьют из-за угла.

* * *

Ты теперь от меня далеко-далеко,
Где-то в прошлом, в январской простуженной вьюге.
Пляшет снег, и ресницы взлетают легко,
И касаются рук моих тонкие руки.

В прошлом все еще ярко сверкают огни,
Звонко песни на вечере праздничном льются.
Оттого-то мне эти и дороги дни,
Что они никогда, никогда не вернуться.

Если видишь, что часто гляжу я с тоской,
Не тревожься: ведь сразу не удержишь разбега.
Ты теперь от меня далеко-далеко,
Где-то там, в тихой пляске вечернего снега...

* * *

Не о любви...
Не о тоске...
Не о сердечной жали...
Как было холодно в Москве,
Когда вы уезжали!

А между прочим
Таял снег,
И тормоза визжали
И о любви,
И о весне,
И о сердечной жали.

И в гуще веточек сквозных,
В мерцанье хлопьев снежных
Вот-вот, казалось бы, возник
Смеющийся подснежник.
Но это было внешне.

На самом деле был мороз
С огромным белым ликом.
Он цепенел, искрился, рос.
Он шел татарским игом.

И птицы,
В свет, и высоту,
И доброту поверив,
К земле срывались налету —
Комочки мертвых перьев.

Я брал их.
Грел их в рукаве.
Они не оживали.
Так было холодно в Москве,
Когда вы уезжали...

Будто глазом кого ища,
Конь дышал и легко, и сыто.
А деревня была нища,
Голодна была и сердита.

С опечалившихся дворов
За бесценок —
За куль ячменной —
Уводил на базар коров
Год тот первый послевоенный.

На подъеме застряв крутом,
Матерясь и едва не плача,
Люто бил водовоз кнутом
Спотыкающуюся клячу.

А у дома, у груды шпал,
Равнодушен к беде-напасти,
В нетерпении танцевал
Гордый конь золотистой масти.

И хозяин,
Дороге рад,
В ноздри дул ему,
Трогал холку,
И опять мимо наших хат
Конь играючи нес двуколку.

Долго,
Пристально,
Тяжело,
Вплоть до леса за выпасами,
Провожало его село
Непрощающими глазами.

* * *

Ненавижу сочувствующих,
Как добыча — погоню,
Неизбежно сопутствующих
Неудаче и горю!

Как дежурные плакальщики
Возникают у входа,
Эти черные
 факельщики
 непогоды.

Вот он —
 лживый, неискренний.
Неуловимый,
Как в такого ни выстрели —
Обязательно мимо.

Он прикинется ласковым,
Он прикинется добрым,
Как пилюля, лекарственным,
Как подушка, удобным.

Состраданием мучая,
Осмелев понемножку,

Он подпустит при случае
Ядовитую нотку.

Проживет он, не буйствуя,
Не борясь и не строя,
В равной мере сочувствуя
Подлецу и герою.

Пусть он даже заплачет!
Он и плачет, как прячет
Под единою полостью
Равнодушие с подлостью!

СТИХИ О СЛОВАХ

- 1 Слова, как ласточки сновали,
Неощутимы и легки...
Меня сбивали с ног словами,
Похожими на кулаки.

А я вставал и падал снова.
Но, не считая синяков,
Я верил в добрую основу
Всех на земле живущих слов.

- 2 В чаще слов,
Проламывая след свой,
Не могу отречься от наследства.

Далеко ушел от нас Державин,
Но клинок державный не заржавлен!

Светлый сон о будущем взлелеяв,
Не таясь, не опуская взор,
С эшафота
Яростный Рылеев
Продолжает с нами разговор!

Ярлыки чехлами нахлобучив
На летящий по столетьям свет,
Говорят, что старомоден Тютчев,
Что улыбку вызывает Фет.

Гром утих.
И выцвела бумага.
Но томит недоуменье вновь:
Разве может устареть отвага?
Ненависть?
Отчаянье?
Любовь?

Сохнет лес, до времени увянув,
Тонкая ломается трава.
Что-то много развелось иванов,
Кровного не помнящих родства.

Точен их расчет.
Сужденья метки.
Имена известны по стране...
Но и в поэтической разведке
Страшно быть с таким наедине.

3 В той старинной стари,
Где гудки да свирели,
Помирали цари,
Терема их старели.
А еще до орды,
До коварного хана,

Много сплыло воды,
Много было беды —
Брань в полях не стихала.

Там навеки замолк —
Ливнем стрел доконали —
Славный Игорев полк
На реке на Каяле.

Знает сыч на суку,
Как там звать-величать их...
Только был в том полку
Примечательный ратник.

Болью досыта пьян,
Синь в глазах поседела.
Мимо свистнул аркан,
И стрела не задела.

Вот он гусли берет
С круглым ликом перунным,
Вот выходит вперед,
Ударяя по струнам.

И вершат колдовство, —
Чудный выпал им жребий, —
Десять пальцев его —
Десять соколов в небе.

Смолкли колокола,
Тихо, как перед боем.
Только страшная мгла
Заклубилась над полем.

Пригорюнился лес,
Совы крылья простерли.
И споткнулся певец —
Слезы дрогнули в горле.

И неведомый свет!
Что в нем: радость ли, грусть ли?
Через тысячу лет
Прозвенят эти гусли!

Ни травинушки нет
Над могилой сырою...
Через тысячу лет
Мать оплачет героя.

Мы отыщем твой след,
Где стрела запевала!
Через тысячу лет
Выходи, запевала!

С прозвучавших страниц
Веет грозным и давним.
Ну-ка, князь, сторонись —
Не тебя нынче славим!

Не размах твоих плеч,
Не коня удалого —
Славим русскую речь!
Славим Русское Слово!

ДОБРОТА

Как доброта трудолюбива!
У зла и суть и стать не та.
Мир наподобие прилива
Обкатывает доброта.

Она работает неспешно,
Ломая дедовский уклад.
И огорчается, конечно,
Когда не все идет на лад.

Она тогда в платочек плачет
Наивно, горестно, всерьез.
И, отвернувшись, слезы прячет
И пудрит покрасневший нос.

Но, не успев покончить с болью,
Ни для кого не заперта,
Она опять готова к бою,
Опять в атаке доброта!

Я шел по свету, как в тумане,
Не видя рядом никого.
Не обделен ее вниманьем,
Я не заслуживал его.

Жил кое-как, легко и плохо.
А доброта была со мной.
Но я еще не слышал вздоха,
Растаявшего за спиной.

Не так-то просто стать умнее,
Себя ломая на бегу.
Я и теперь не все умею,
Я и теперь не все могу.

То опускаюсь,
То поднимаюсь,
Из тьмы — на свет,
Опять во тьму.
Я только знаю, что меняюсь,
И понимаю, почему.

А это прямо и упорно —
Таков характер их крутой —
Во мне все ярче светят зерна,
Посеянные добротой...

* * *

Я должен стать самим собою.
Как ни пытаюсь — не могу.
Уйду в тайгу мою соболью,
Мою вчерашнюю тайгу.

Там где-то есть сосна корявая,
Вся бронзовая в синеве.
Там, землю прутиком корябая,
Лежит мальчишка на траве.

Пройду я осенью лесною,
Где паутина льнет к плащу.
В моем лесу любой ценою
Того мальчишку отыщу.

Я подойду к нему уставший,
Сомненья горькие тая.
И пусть я ровно вдвое старше —
Он — я.
А я уже не я.

Его глаза темны и сини,
Рука спокойна и тверда.

И нет усталости в помине
И горьких складок возле рта.

Еще и чаять он не чает,
Как грозен мир, опасна ложь.
Он дружески меня встречает
Традиционным:
— Как живешь?

А как живу?
Такому взгляду
Я не солгу.
И не схитрю.
Я у костра его присяду
И сигарету закурю.

Скажу негромко:
— Помоги мне!
Мы общей связаны судьбой.
Я виноват перед другими,
Но сотни раз — перед тобой.

Ты думал так — я жил иначе.
Уж больно был ты, брат, горяч,
Предвидя в будущем удачи
И не предвидя неудач.

Тебя винить не стану с ходу.
За что винить?
Ведь я и сам
Тебя растрчивал в угоду
Чужим глазам.
И голосам.

Взамен твоей души —
Послушай!
Слова, я знаю, больно бьют! —
Во мне давно чужие души
Ворочаются и поют.

Скажи!
Я подчинюсь совету!
Поверь, что дальше так нельзя!
Мальчишка курит сигарету
И прячет синие глаза.

А я гляжу.
И проступает
Стол, побледневшее окно.
И тает он,
И лес мой тает,
Но я-то знаю все равно,
Что где-то есть сосна корявая,
Вся бронзовая в синеве.
Там, землю прутиком корябая,
Лежит мальчишка на траве.

Я все смогу.
Звезду открою.
Сложу легенду о весне!
Лишь только был бы он со мною,
Лишь только был бы он во мне...

* * *

Что такое со мной, что такое...
Или годы стучатся сильнее?
Снятся кони мне, снятся мне кони,
Как засну — так увижу коней.

Кони рыжими челками машут,
Ночь росой и хрустом полна,
И кукушка кричит, и маячит
Над конями большая луна.

Я в трамвае грохочущем еду,
Пыль глотаю и гарью дышу,
Я ночную задумчивость эту,
Как травинку, с собою ношу.

В карусели дневной, за делами,
Вспоминать вроде некогда мне,
Что на дальней июльской поляне
Бродит конь по колёно в луне.

Но и все же, как спутник в дороге,
Ходит вслед, от меня ни на шаг,
Ощущение смутной тревоги,
Что живу я не там...
И не так...

* * *

Любя и не любя,
Не веря или веря,
Не прячьтесь от себя
Ни за какие двери!

Везде:

в семье,
в толпе,
в печали и в обиде —
На исповедь к себе
Бестрепетно идите!

Схитрите вы с трудом,
Все будет шито-крыто,
Но станет шатким дом,
И ненадежной — крыша.

Неслышная вначале,
Обманутая боль
Ночами — да, ночами! —
Навяжет ближний бой.

И нежность станет сниться,
Забытая давно,

Доверчивою птицей
Влетая к вам в окно.

Замкнется горький круг,
И не найти исхода,
И упадет из рук
Любимая работа.

Себе ж глаза слепя
И, как врагу, не веря,
Не прячьтесь от себя
Ни за какие двери!

* * *

Свет к закату,
День к порогу,
На реке — вечерний дым.
— День прошел, и слава богу, —
Засыпая, говорим.

Говорим, не дав отчета
В ослеплении своем,
Потому что ждем чего-то,
Каждый день чего-то ждем.

Ждем погоды, воскресенья,
Нетерпением полны,
Ждем везенья и веселья,
Лета, осени, весны.

Безрассудно полагаем,
Что конца дороге нет,
Будто мы располагаем
Доброй тысячею лет.

И, старея понемногу,
Все твердим не раз, не два:
— День прошел, и слава богу, —
Эти вечные слова.

Все давно уж по-другому,
Дней все меньше впереди.
Я готов кричать любому:
— Погоди! Не уходи!

Но, мерцаньем снов крылатых
Обступившая меня,
Ночь легко сминает в лапах
Хрупкий колокольчик дня.

Я, конечно, понимаю,
Что не десять дней на дню.
Я с души его снимаю —
Словно друга хороню.

Но, предчувствуя дорогу,
Веря в новую зарю, —
— День прошел, и слава богу! —
Засыпая, говорю...

СУМЕРКИ

Спит у дома древо-олень,
Вихри улеглись на берегу.
Может, позабыл дорогу день?
Может, ночь запуталась в снегу?

День забыл о времени своем,
Или ночь до срока началась, —
Но теперь стоят они вдвоем,
Не ругаясь,
За руки держась.

На ветвях голубоватый мех,
Сумрак в шаль пушистую одет.
Или свет окрашивает снег?
Или снег рассеивает свет?

Незаметно день уходит прочь,
Но на гладкой снежной простыне
Будут искры вспыхивать всю ночь,
Словно память об ушедшем дне.

СТИХИ О КУЛУНДЕ

Я был новичок желторотый,
Других новичков не смелей,
В отчаянном взводе пехоты,
Веселой царицы полей.

Учился я, глядя на старших,
Простую их слушая речь,
В ночных неожиданных маршах
Расчетливо силы беречь.

Нам часто играли тревоги,
Чтоб страха не знали в бою.
Дороги, дороги, дороги
Легли через юность мою.

Упав на привале устало,
Дивился я будто во сне,
Как белая соль выступала
На темном защитном сукне.

Блаженная горечь махорки...
Подъем! —
И я снова встаю,
И снова плывут гимнастерки,
Качаясь в походном строю.

И не было дружбы весомей,
И вряд ли случится когда,
Чем эта, скрепленная солью,
Горчайшею солью труда!

А поезд навстречу рассвету
Гремит сквозь туманную сонь...
С чего вдруг припомнил я эту
Солдатскую горькую соль?

Качая высокие стебли,
Туманом в низинах пыля,
Бегут вслед за поездом степи —
Защитного цвета поля.

Хлебов поднимая массивы,
Лугами ложась под стада,
Она напрягает все силы —
Степная страна — Кулунда.

Земля ни на миг не стихает,
Ни днем, ни в полуночной мгле,
И белая соль выступает
На дымной от пота земле.

Воспитан в суровой пехоте,
Где поровну хлеб и вода,
Желаю, как другу в походе,
Удачи тебе,
Кулунда!

ЛОПУХИ

А вы на Сахалин не заходили?
Какие лопухи на Сахалине!

И что бы мне о сходствах ни внушали
Маститые сравнений знатоки,
Зелеными слоновьими ушами
Над островом висели лопухи.

Проклятое течение Ойясиу:
Ни дуба, ни березки, ни ольхи.
И всю свою нетронутую силу
Земля переливала в лопухи.

Теперь я знаю:
Там земля что надо!
Но, все солнцелюбивое глуша,
То дождь рядил, то налетал торнадо,
Свирепостью и холодом дыша.

Прочтут стихи — и скажут:
— Чепуха!
Что может быть ненужней лопуха?

Подобной темы, автор, не касайся.
Ну что лопух?

О лопухах молчок!
Но был у нас в полку ефрейтор Зайцев,
Внимательный рязанский мужичок.

Я в жизни парня не встречал упорней.
С рассветом за казарму семеня,
У лопухов откапывал он корни,
Завертывал в бумажки семена.

А мы кривили судорожно лица
И не могли веселье скрыть свое,
Когда он бормотал:
— Земля, земля...
В Рязань бы к нам, под солнышко ее...

У быстрой речки он сажил картошку,
С нее все лето не сводил глаза.
Но — к ликованью нашему — немножко
Отважный шаг ему не удался.

На зайцевской полоске у реки той
Ботва моталась по ветру раkitой,
Но к осени была сама картошка
Не более зеленого горошка.

У нас от смеха уши опухали,
Но, всех нас до упаду веселя,
Он снова колдовал над лопухами
И бормотал:
— Отличная земля!

Солдату службой точный срок дается.
Нехитрый скарб на плечи — и пошли.
Я шел в строю и думал: он вернется,
На эту землю трудную вернется,

Он, если надо, сам в нее ввернется,
Чтоб выведать секреты у земли!

Все это было десять лет назад.
Я радио включаю в день весенний —
Там говорят про гигантизм растений,
Про сахалинский климат говорят.

Возможность есть блестящая отныне —
Доказывают мудрые труды —
На славном лопухами Сахалине
Выращивать гигантские плоды.

Наш Зайцев...

Говорил он, спотыкаясь:
Учился мало — сколько довелось.
Но я любым ручательством ручаюсь:
Тут без него никак не обошлось!

Без рук его, корявых и тяжелых,
Без трудных троп — он все-таки прошел их,
Без низких сахалинских облаков,
Без ни на что не годных лопухов...

* * *

Уходит день. Прилив еще не начат.
Перекричав шум ветра и дождя,
На скалах чайки мокрые судачат,
Отчаянье и жалость наводя.

Судам за мысом не уйти от качки.
А там, где берег выгнулся в дугу,
Как встарь, глядят из-под руки рыбачки,
Лицом к закату встав на берегу.

Там, в море, где потеряны дороги,
Вновь штормовая дымка завилась.
Как памятники горю и тревоге,
Стоят они у скал, не шевелясь.

А ветер круто свирепеет свежий,
И туч летящих потемнела сталь.
У всех задетых штормом побережий
Стоят рыбачки, вглядываясь в даль.

Когда-нибудь, когда придется туго
И грянет буря, спутав все дела,
Я захочу, чтоб и меня подруга
С такой же верой страстною ждала!

* * *

Здесь ветер с моря пахнет рыбой
И свежестиранным бельем.
...А мы с тобой прожить могли бы
На этом острове вдвоем?

Бродить по сопкам низким этим,
Валяться в реденькой тени
И знать, что никого не встретим,
Что мы на острове одни.

Глядеть на волны в мыльной пене,
Скучать, рыбачить по утрам
Да слушать в раковинах пенье
Далеких неизвестных стран.

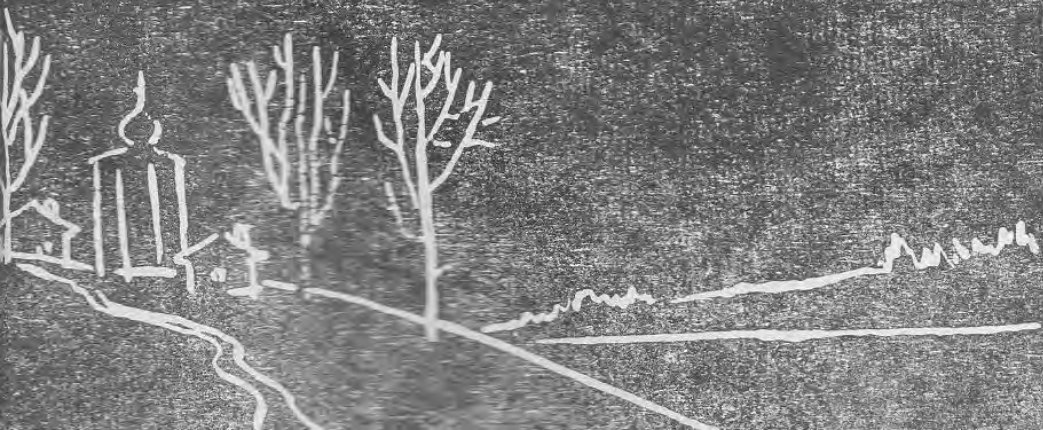
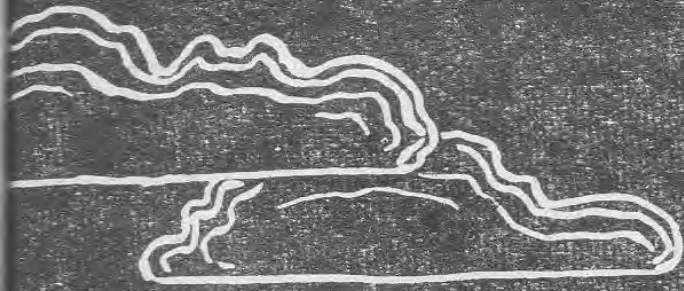
Мы знаем горький вкус разлуки,
Прохладу ссор и радость встреч.
...От одиночества и скуки
Смогли б мы нежность уберечь?

* * *

Ничто мне не радует взгляда —
Ни танец огней на воде,
Ни трепет китайского сада
В тяжелом и ровном дожде.

Ни берега дымчатый очерк —
Прилив его илом занес,
Ни тонкий стремительный почерк
С прикола сорвавшихся звезд.

Ни ландышей мокрых ладоши,
Открывшихся, ветром дыша.
О самой родной, о хорошей
Опять загрустила душа.

ВСТРЕЧА С ПУШКИНЫМ

По сторонам дороги стояли высокие осенние леса. Казалось, автобус катится в просторном желтом туннеле, полном солнечного света и медленно падающих на дорогу листьев.

Потом леса резко убежали в стороны, будто кто-то раздвинул на окне шторку. Я увидел маленькие деревни с почерневшими от времени и дождей избами, увидел медленные синие реки, увидел далекие облетающие леса.

Надо всем этим стояло неподвижное облако. Из него падали на землю огромные светящиеся столбы.

Это были ворота в пушкинскую страну.

ПСКОВ

В Пскове узкие окна-бойницы,
Неприступные стены Кремля.
Ничего-то он, Псков, не боится.
Он — твой сторож, родная земля!

Похваляется Новгород славой.
Только Псков не печалится:
— Пусть!

Я воитель, я тоже не слабый,
Верный пес твой, великая Русь.

Подмастерье, и пахарь, и воин,
Я гляжу через прорези плит.
Что поделать? На то и построено,
Чтобы быть для России, как щит.

Кабаки мои стонут нетрезво,
Как и все кабаки на Руси.
Только ты голытьбою не брезгуй,
Лучше чару вина поднеси!

Неумытых моих, непригожих,
Коль облают — прости, не со зла,
Ты бродят, ты калки черехожих
Расспроено про былые дела.

Ходит Пушкин вдоль речки Великой,
Где базарная давка и крик,
Подпеваает веселым каликам,
Ловит пьяные речи расстриг.

Пляшет девка в платке кумачовом,
И закат над Кремлем кумачов.
Похвалялась ты, Русь, Пугачевым.
Только где же он, твой Пугачев?

То ли снег, то ли дождичек с неба.
Дымом пахнет, и ветер суров.
И в душе, как трава из-под снега,
Смутно брезжит «Борис Годунов»...

* * *

Едва ли стало бы известно, —
Лишь с этим именем в связи, —
О юной, взбалмошной, прелестной
И легкомысленной Зизи.

И Керн, красавица с надломом.
Загадка, грустная звезда,
Была бы звуком незнакомым,
Черкнувшим воздух без следа.

Все пело под его рукою —
Набросок, шутка, мадригал.
Слегка касался он строкою
И на бессмертье обрекал.

А сколько б мы беднее были
Без них, властительных на час,
Без них, что так его любили
И так прощали, разлучась.

В лесной глуши и в блеске света,
Куда б ни забредал поэт,
Бросавших щедро на поэта
Высокой женственности свет...

СВЯТКИ

Ах, святки, святки, святки!
Со святок взятки гладки!

Летят с обрыва санки.
В них вроде медвежат
Румяные, как сайки,
Хохочут и визжат.

Стремглав, напропалую,
В сугроб на всем бегу!
Кого он там целует,
Барахтаясь в снегу?

Кто в деревенской шубке
Бредет среди рябин?
И поджигает губки
Ревнивая Алин.

Но вот — прощай, потеха!
От снега и от смеха
Он, щурясь на ветру, —
К бумаге и перу.

В нем кровь гудит упруго,
Торопится рука.

И строки — друг на друга,
На край черновика.

А вечер, в стеклах тлея,
Сугробы подсиня,
Холстами стелет тени
От святочного дня.

Прилечь?
Или не стоит?
Но лишь глаза закроет —
Река. За нею — поле.
За полем — лес.
А за...
Калашниковой Оленьки
Вспыхнувшие глаза.

ОЛЕНЬКА

Смуглянка, веточка, дикарка,
Сама мечтательность и тишь...
Зачем стеснительно и жарко
Ты на него глядишь?

Зачем ты так ночами плачешь,
В колени прячешь мокрый нос?
Какой ценою ты заплатишь
За счастье этих первых слез?

Горит свеча в простывшей бане,
Сиянье зыбкое струя.
Трясется и скрипит зубами
Над картами ворожея.

Она беспамятно бормочет, —
Пойми, где правда, а где ложь, —
Она что хочешь напророчит,
Лишь только денежку положишь...

Твоя испуганная тайна —
Восторг и слезы, свет и тьма.
Зачем, дружок, тебе гаданье,
Когда ты знаешь все сама?

Подняться с лавки, дверью хлопнуть,
Остановиться под луной...
Всех отстрадавших женщин опыт
Заговорил в тебе одной.

Перед тобой, как на ладони,
Просвечивая в снежной мгле, —
Боль одинокой женской доли
С недобрый шепотом в селе.

Родни тяжелые попреки,
Усмешки мстительных невест...
Как понесешь ты свой высокий,
Прекрасный свой и горький крест?

Над Соротью свежо и звездно.
Звучат знакомые шаги.
Остановись!
Еще не поздно!
Засмейся, вспыхни, убег!

Неужто выбрана дорога?
Глядишь внимательно и строго.
И шаль, как в звездочках, в снегу...
— Не бойся, — шепчешь, — не сбегу...

ГОВОРЯТ ДЕКАБРИСТЫ

Сквозь дымку песен и сказаний
В глаза взгляните нам, в глаза!
Мы что, по-вашему, не знали,
Что уничтожит нас гроза?

Что хмель свободы, хмель отваги
Нас не спасет, не охранит,
Что наши тоненькие шпаги —
Соломинками о гранит?

Смешно, что мы не знали страху.
Страх-колокол гудел в груди.
Но кто-то должен лечь на плаху,
Чтоб свет забрезжил впереди!

Сиял нам смутно, как во сне,
Кандальный путь от ямы к яме
По нищей, желтыми ремнями
Крест-накрест стянутой стране.

Ее в поклон веками гнули
Пред блеском царского венца.

Но кто-то должен стать под пули,
Чтоб гневом вспыхнули сердца!

Сквозь все пройдя, всего отведав,
Почуяв гибельную дрожь,
Мы берегли своих поэтов.
Да разве их удержишь?

* * *

Непроезжими местами,
Где сугробы да горбы,
Кони мордами мотали,
Подымались на дыбы.

Кони бились и храпели,
И кусали удила,
И дымились в серой пене
Их горячие тела.

Волчья свадьба на опушке,
Да назад не повернуть:
На возке убитый Пушкин
Свой последний держит путь.

Эй, ямщик!
Крута дорога!
Не обрыв ли впереди?
Поминай почаще бога,
За дорогою следи!

А ямщик глядит невинно,
Снегом доверху одет:
— В поле бес нас водит, видно...
Ехать, барин, мочи нет.

Экий снег! Не снег, а демон!
Не видать ни вдаль, ни вширь.
Разберись попробуй, где он —
Святогорский монастырь.

Вот послушай, барин. Эва!
Чай, со всех звенит сторон...
Справа, спереди и слева
Колокольный слабый звон.

Вой летит, коней тревожа,
Все в сплошную мглу слилось.
— Я бросаю, барин, вожжи.
Кони вывезут, небось.

И возок плетется шагом
По буграм да по оврагам,
По заносам, без дорог.
Дремлют кучер и седок.

Чудный сон обоим снится.
Ночь темней и снег лютей.
Молчаливый встал возница,
Молча гонит лошадей.

И уже не снег летучий
Завился вокруг саней, —
Мчатся тучи, вьются тучи
Под копытами коней!

Мгла висит вокруг завесой,
Но коням преграды нет.
Торжествующие бесы
Ухмыляются вослед.

Разыгралась свора злая!
Сколько их!
Как в чаще дров!
Вон — с усмешкой Николая.
Вон — поодаль — Бенкендорф.

Вон как будто сталь мелькнула
Через вьюгу, через лес,
Вперехват наводит дуло
Иностранный бес
Дантес.

Что, возница, зазевался?
Иль не видишь пистолет?
Выстрел грянул.
Оборвался.
Может, сон.
А может, нет.

И глядят, очнувшись, оба.
Кони стали у сугроба.
И сказал ямщик устало:
— Матерь божья помогла:
Путь-дорогу показала
До Тригорского села...

* * *

Тригорское в замети снежной —
Деревья, тропинки, пруды.
Здесь музы, печальной и нежной,
Еще не остыли следы.

Здесь голос твой где-то затерян,
Давно ль он в садах не стихал?
Здесь не было счету затеям
И не было счету стихам.

Дивились дворовые женки,
Расплющив носы о стекло,
Как пламя студенческой жженки
Над пуншевой чашей цвело.

Сердились: застольные песни
Им снова уснуть не дают.
Тригорское...
Пушкин!
Не здесь ли
Единственный сердца приют?

Из сада ты прыгал в окошко.
Глаза горячи и темны.

И девушки были немножко
Все сразу
В тебя влюблены.

Они выбегали в потемки
К скамье, что стоит на краю
(Теперь называют потомки
Онегинской эту скамью).

Глядели с волнением сладким
Туда, где закат не погас:
Не скачет ли всадник в крылатке —
Зачинщик веселых проказ?

Ах, Пушкин!
Как странно и жутко
Поет непогода окрест!
Какая нелепая шутка —
Твой этот последний приезд!

Метельные вихри косые
Саней зализали следы,
И кажется: нет над Россией —
Над всей! —
Ни огня, ни звезды...

СОДЕРЖАНИЕ

1

«А вы? Вы любите дорогу?»	5
Тулинка	6
Дом на разъезде	8
В лесу	9
Четыре дождя	11
Апрель	13
Гроза	14
Утро	16
«К вершинам утро прикасалось...»	18
«Повороты света»	20
Осень	22
Перецвет	23

2

«Когда горит и светится страница...»	27
«Не знаю, отчего...»	28
Удивление	30
Второе дыхание	31
Сказка	34
Стихи о Наташе Ростовской	36
Старики	38
«Лепечет полуночная струя...»	41

«Кривотолки, кривотолки...»	43
«Ты теперь от меня далеко, далеко...»	45
«Не о любви...»	46
Конь	48
«Ненавижу сочувствующих...»	50
Стихи о словах	52
Доброта	56
«Я должен стать самим собою»	58
«Что такое со мной...»	61
«Любя и не любя...»	62
«Свет к закату...»	64
Сумерки	66

3

Стихи о Кулунде	69
Лопухи	71
«Уходит день»	74
«Здесь ветер с моря пахнет рыбой...»	75
«Ничто мне не радует взгляда...»	76

4

Встреча с Пушкиным	79
Псков	80
«Едва ли стало бы известно...»	82
Святки	83
Оленька	85
Говорят декабристы	87
«Непроезжими местами...»	89
«Тригорское в замети снежной...»	92

— 46050 —

*Игорь Михайлович
Киселев*

ПЕРЕЦВЕТ

*Редактор Л. Глебова
Оформление Г. Ефремова
Художеств. редактор О. Красова
Технический редактор Г. Рудина
Корректор В. Маркова.*

Сдано в набор 31/V-1966 г. Подписано к печати 4.VIII.1966 г. Авт. л. 2,07. Печ. л. 3,51. Уч.-изд. л. 2,86. Формат 70×90¹/₃₂. ОП00021. Тираж 6000 экз. Цена 16 коп.

Кемеровское книжное издательство,
Кемерово, 99, Советский проспект, 94.

Типография «Кузбасс»,
Кемерово, Кузнецкая, 9.

16 КОП.

